

Глава 8. Канны, я иду!

Звёздный дуэт рекламного факультета Университета F — Лу Сяомань и Чэнь Вэньцао — на деле жили совсем не так блестяще, как казалось со стороны. Оба страдали: один — от невыносимой тяжести бытия, другой — от не менее невыносимой его лёгкости.

— Лао Эр, ну почему я учусь на рекламщика, а целыми днями только и делаю, что рисую наброски? — втиснувшись в забитый автобус, Лу Сяомань с трудом пробрался к приятелю. Этот вопрос мучил его уже несколько дней.

Чэнь Вэньцао с тоской проводил взглядом место, которое Лу Сяомань только что уступил какой-то старушке. Сейчас в моде было словечко «кармический капитал», и он всерьёз подозревал, что его вечное невезение с сидячими местами как-то с этим связано. Впрочем, Лу Сяомань со своей праведностью тоже стоял в проходе, так что Чэнь Вэньцао немного успокоился и нацепил маску умудрённого опытом ветерана.

— Твоя наставница ведь женщина, верно? Так вот, запомни: в «Тяньши» нормальных баб нет. Если бы ты был художником, она бы заставила тебя сценарии писать.

Лу Сяомань задумался и ответил лишь через остановку:

— Мужчины там, по-моему, тоже не совсем в порядке. Только ты никому не говори, но их президент... он просто жуткий. Особенно глаза — в них будто пустота! Стоит только вспомнить его взгляд, и сразу мороз по коже.

— Ой, не преувеличивай.

— Правда! Как в фильмах ужасов. Если его сфотографировать, вместо глаз на снимке будут две чёрные дыры. У-у-у, страшно! — Лу Сяомань, словно снова оказавшись перед гендиректором, невольно прижался к Чэнь Вэньцао.

Тот лишь вздохнул:

— Пересмотрел «Звонка»? Неудивительно, что ты потом месяц боялся к телефону подходить.

— Это ещё что! В «Тяньши» есть вещи и пострашнее.

При слове «пострашнее» в сочетании с названием знаменитой компании пассажиры вокруг начали невольно прислушиваться.

— И что же? — поинтересовался Чэнь Вэньцао.

— Помнишь наш первый день, когда мы там уснули? Я точно помню, что заснул в кабинете наставницы Лизы. Но когда проснулся, то лежал рядом с тобой, и — внимание! — я был укрыт тёмным мужским пиджаком!

Чэнь Вэньцао мгновенно перестал выглядеть ленивым.

— Да ладно... Может, прикрыл кто-то из сотрудников?

— Нет! — Лу Сяомань серьёзно надул щеки. — Была глубокая ночь, никого в офисе остаться не могло!

— А-а! Почему ты только сейчас об этом говоришь?! — не сдержавшись, вскрикнул Чэнь Вэньцао.

— Лао Эр, ты что, боишься? — Лу Сяомань хихикнул. — Не переживай, я этот пиджак уже в храм отнёс и сжёг. Амиабха, да пребудет со мной Будда.

Через некоторое время, заметив, что приятель немного пришёл в себя, Лу Сяомань сменил тему:

— А твой наставник как?

— Хм.

— Директор Эдисон кажется таким милым... — Сяомань мечтательно вздохнул. — Не то что моя...

— Хех. Малыш, ты слишком наивен! Знаешь, что он сделал в нашу первую встречу? Швырнул мне костюм от Армани, — процедил Вэньцао сквозь зубы.

— О, как щедро!

— Какое там «щедро»! Он велел отнести его в химчистку! Тот самый, который я испачкал на собеседовании.

Гнев портит людей: лицо университетского красавчика перекосило от ярости.

— Ну, это справедливо. По-моему, ты должен был сам предложить его почистить, — рассудительно заметил Сяомань.

—...Проблема в том, что у него пожизненный купон на бесплатную чистку в элитном сервисе!

Но он заявил, что там плохо стирают, и отправил меня в какую-то дыру на другом конце города.

— И ты поехал?

— А куда деваться? Но... — Чэнь Вэньцзао зловеще усмехнулся.

— Но что?

— Костюмчик-то оказался как раз впору. Грех было не воспользоваться случаем: пока вёз, успел охмурить парочку красоток, блистая в «Армани»!

— Ой! Ты же его снова испачкал!

— Ничего подобного! Пыль стряхнул — и как новенький!

Вэньцзао был непоколебим в своём цинизме: если выпадает шанс отыграться на эксплуататоре, грех его упускать.

Несмотря на все тяготы, два юных рекламщика продолжали грызть гранит практики в логове тигров и драконов — корпорации «Тяньши». (За кадром голос Чэнь Вэньцзао: «Кто там грызёт? Это Сяомань — дурачок! Если бы не огромная зарплата, я бы давно оттуда свалил!»).

На следующий день после «столкновения» с Ян Хэсюанем Лу Сяомань по привычке притащил в кабинет Лизы свой планшет для рисования. Он прикидывал: «Может, нарисовать портреты всех сотрудниц? Сделаю им приятное».

Лиза, как обычно, встретила его с каменным лицом. Сяомань тихонько вздохнул, но тут же взбодрился. Папа всегда говорил: «Нельзя нравиться всем, главное — стараться и быть честным перед собой».

Лиза подняла взгляд и увидела всё ту же лучезарную улыбку. Огромный планшет на спине маленького, но прямого паренька казался частью его самого — казалось, какой бы груз на него ни взвалили, он не согнётся.

— Наставница, сколько мне сегодня рисовать?

— Нисколько. Тебе не кажется, что это пустая трата времени? — холодно спросила она.

— Пожалуй, да, — честно кивнул Сяомань.

— Сяомань, ты хоть понимаешь, что стать «золотым» специалистом в «Тяньши» — значит стать лучшим в стране? Даже наш Босс прошёл весь путь с самых низов. Он до сих пор иногда пашет вместе с рядовыми сотрудниками до самого рассвета.

— Ой, наставница... На самом деле, я тогда ляпнул про «золотого рекламщика» просто к слову.

Лиза невольно испытала облегчение, но Сяомань продолжил:

— Моя настоящая цель — Премия «Золотой лев» Каннского фестиваля рекламы!

—...Сяомань, знаешь, каких людей я ненавижу больше всего?

Парень склонил голову:

— Тех, кто ищет лазейки через связи?

— Ошибаешься! Я ненавижу самовлюблённых, оторванных от реальности сопляков, которые только и умеют, что витать в облаках!

В полдень того же дня, в панорамном ресторане на верхнем этаже небоскрёба «Гуанмао».

— Хэсюань, попробуй фуа-гра в саке. Друг говорил, что здесь её готовят божественно, поэтому я и пригласила тебя именно сюда.

Бай Жу, невеста Яна, сидела напротив него. За огромными стеклянными окнами нещадно палило летнее солнце, но в помещении на полную мощь работали кондиционеры. Было так холодно, что по телу пробегала дрожь.

Ян Хэсюань съел кусочек, кивнул и отложил вилку. Бай Жу на мгновение разочарованно посмотрела на него, но тут же снова улыбнулась.

— Ну конечно, ты ведь такой гурман, столько всего пробовал... Когда-нибудь и меня свозишь в по-настоящему особенное место?

— Это блюдо действительно неплохое, Сяо Жу. Прости, я в последнее время слишком занят. Как только станет посвободнее, обязательно навещу твоих родителей.

— Глупенький, я же не жалуясь. Мой отец всегда говорит, что для мужчины карьера — на первом месте. Главное — береги себя, не переутомляйся, — Бай Жу медленно помешивала суп,

нежно глядя на жениха. Она выглядела настолько мягкой, что в ней можно было утонуть.

И это сработало: мужчина смягчился.

— Спасибо, — улыбнулся он.

Хэсюань смотрел на маленькую чашечку с саке. Тонкий аромат, едва уловимый хмель. Давным-давно он решил, что Бай Жу и есть это рисовое вино: не страсть всей жизни, но идеальный спутник. Её отец — влиятельный чиновник, второй человек в городе, много раз помогал ему. К тому же Бай Жу, несмотря на статус «золотой девочки», была лишена заносчивости. С ней было комфортно.

Но сегодня саке казалось безвкусным, как обычная вода. В отражении на поверхности вина он видел лицо невесты, но постепенно образ начал меняться. Перед глазами всплыли другие глаза — чёрные, влажные, блестящие. То полные уверенности, то заспанные и припухшие, то растерянные... и, наконец, полные того самого чистого ужаса, как у испуганного оленёнка. Глядя в воображаемую чашу, Хэсюань сам не заметил, как улыбнулся.

А когда осознал это, пришёл в тихий ужас. В чаше отражались глаза этого мальчишки — Лу Сяоманя.

— Хэсюань, я так давно не гуляла с тобой по магазинам. Видела на днях потрясающее платье от Dior, составишь мне компанию? — с надеждой спросила Бай Жу.

— Прости, днём тендер, мне нужно немного отдохнуть, — трудоголик мгновенно вернул себе обычную холодность.

— Ох, ничего страшного. Тогда отвези меня домой, а покупку отложим.

— Хорошо. И давай возьмём порцию фуа-гра с собой для твоего отца. Помню, он её любит.

— Конечно! Спасибо тебе, Хэсюань.

Отвезя невесту, Ян Хэсюань направился обратно в офис. Машина быстро неслась по проспекту Биньцзян. У Народной площади движение замедлилось — на улицах было полно людей. Раздражённый пробками, он решил не ехать дальше, припарковался у обочины и вздремнул прямо в машине.

Лу Сяомань больше не таскал планшет. Теперь за его спиной был рюкзак, доверху набитый вопросными листами. Час назад в офисе:

— Сяомань, знаешь, откуда берётся по-настоящему крутая реклама?

— Знаю! Из анализа рынка и понимания потребителя! — уверенно отрапортовал парень. Всё-таки первую стипендию он получал не за красивые глаза.

— Верно, теорию знаешь. Держи, — Лиза шлёпнула на стол кипу бумаг.

— Наставница, что мне делать? — Сяомань засиял. Наконец-то! Настоящая работа! Золотой каннский лев стал на шаг ближе!

— Сначала изучишь рынок. Отправляйся на улицу и собери сто заполненных анкет. Уверена, после этого ты осознаешь истинный смысл рекламы «от корней».

— Есть! — Сяомань никогда не сомневался в целесообразности приказов.

Он был сообразительным малым, поэтому сразу поехал туда, где побольше народу — на Народную площадь. (За кадром: летнее солнце жарит, влюблённые на площади воркуют, а наивный ребёнок с рюкзаком пытается впихнуть прохожим анкеты. Ох, нелёгкая это работа!).

Для Сяоманя это было первым столкновением с реальным обществом. Обычно люди, нахлебавшись отказов на такой работе, быстро теряют очарование, становятся циничными, озлобленными и начинают винить во всём правительство. Но случится ли это с нашим героем?

— Тётушка, можно вас на пару минут? Ой, какая прелестная девочка рядом с вами! Вы так похожи, просто одно лицо!

— Ах-ха-ха, какой милый мальчик! Анкета, говоришь? О, этим товаром вся наша семья пользуется. Давай-ка мне ещё десять штук, я за всех родственников заполню!

— Спасибо, тётушка! До свидания!

— Братцы, сестрички, доброго дня! Можно отнять у вас капельку времени? — Сяомань был само вежливое сострадание.

— Ты не видишь, чем мы заняты?

— Вижу... Но мне кажется, обниматься в такую жару вредно. Заполните анкету, отвлекитесь, а то солнечный удар схватите.

— Вали отсюда!

Сяомань поджал губы, в глазах заблестели слёзы. Его ещё никогда так грубо не прогоняли.

— У-у-у-у! — чтобы жить долго, нужно давать волю эмоциям.

Ему было действительно обидно: жарко, пить хочется, устал как собака, одежда насквозь мокрая от пота, так ещё и обругали! Громкость «плача» нарастала. Парочка не выдержала:

— Эй, ты чего завыл? Тебя же никто не трогал!

— Ладно, ладно, не реви! Давай свою бумажку!

Две анкеты ушли. Но этого было мало.

— У-у-у-у! — вокруг начала собираться толпа.

— Какая нынче молодёжь пошла... Обижают ребёнка.

— И не говорите. Был бы я его отцом, уши бы оборвал этим наглецам!

Грубияны в спешке заполнили анкеты и сбежали. К Сяоманю потянулись пожилые люди:

— Не плачь, деточка, давай я заполню.

— И мне дай, ишь, бедняжка какой.

— И я помогу.

Стопка анкет заметно поредела. Сяомань снова повеселел: ради Каннского льва он вынесет любые страдания!

— Сестрички-красавицы, здравствуйте! Не поможете с опросом?

— О боже-е-е! Девочки, смотрите! Какой идеальный «пассив»! Сяо Чунь, Сяо Ли, бегом сюда! Гляньте, какой экземпляр!

Сяомань отшатнулся от этого вопля, усиленного восторгом. В мгновение ока его окружила стайка хищных девиц. Небо скрылось за их прическами, мир зашатался. Десятки рук

потянулись к нему: гладили по голове, щупали щеки, тискали плечи и — о ужас! — кто-то даже ущипнул за филейную часть! Сяомань только и успел, что присесть, прижимая анкеты к груди и пряча лицо. Кто-то явно пытался расстегнуть ему ремень!

— Хнык... На помощь, хулиганки!

— А-а-а, смотрите, какая у него кожа розовая! Какая прелесть!

— Волосы такие мягкие, так приятно трогать!

— Он сейчас заплачет... Какой соблазнительный!

Внезапно в Сяомане разыгралась гордость. Он с трудом вырвался из кольца тел и, глядя на наступающих амазонок, выкрикнул:

— Хватит лапать задаром! Одна анкета — один «тык»! Две анкеты — два! Сколько заполните, столько и потрогаете!

Анкеты замелькали в руках, как карты у фокусника. Сяомань стоял непоколебимо, как статуя, принося себя в жертву маркетингу. Но когда бланки закончились, безумие толпы только усилилось. Сяомань запаниковал.

— Всё! Лавочка закрыта! Не трогайте меня! — закричал он и бросился прочь с площади. «Волчья стая» фанаток не отставала.

Когда надежда уже почти угасла, перед ним, словно из воздуха, возник чёрный «Лексус». Дверь распахнулась, и крутой парень в тёмных очках крикнул:

— Живо внутрь!

Сяомань, словно герой боевика, запрыгнул на переднее сиденье. Машина взревела и, оставив опешившую толпу в облаке пыли, умчалась прочь.

— Б-б-б-братец, с-с-с-спасибо! — Сяомань прижал руки к груди, пытаясь отдышаться. — Е-е-е-если когда-нибудь п-п-п-понадоблюсь — т-т-т-только скажи!

Парень за рулём уверенно усмехнулся и снял очки:

— Можешь не называть меня «братцем». Просто «Босс».

— А-а-а! Спасите-помогите! — Сяомань рванул ручку двери, но Ян Хэсюань успел

заблокировать замки.

— Ты что творишь? Жить надоело?! — гнев президента вспыхнул мгновенно.

— П-п-простите! — Сяомань вжался в дверь, стараясь стать невидимым.

— Сядь нормально и пристегнись!

— Ой.

Сяомань по сантиметру сдвинулся к центру. Он чувствовал, как температура вокруг падает. От страха он напрочь забыл, как пользоваться ремнём, и просто замер.

— Бестолочь.

Ян Хэсюань, не отрывая взгляда от дороги, перегнулся через него. Сяомань почувствовал лёгкое прикосновение к кончику носа и уловил едва заметный, дорогой аромат. Рука Босса вытянула ремень и с сухим щелчком защёлкнула замок.

— Что это у тебя? — Ян кивнул на кипу бумаг.

— В вашей машине сажу...

— Тупица! Я спрашиваю, чем ты занимался на площади?

— Ой, это... Наставница отправила собирать анкеты, чтобы изучить отзывы клиентов.

— В «Тяньши» есть целый отдел маркетинговых исследований, — сухо заметил Хэсюань. Он мельком взглянул на листы и выпрямился. — К тому же, эта рекламная кампания шла три года назад. Опросы по ней давно закрыты, и после неё вышло уже несколько новых линеек.

— Правда? — тихо переспросил Сяомань и поник.

— Лу Сяомань, ты разве не злишься?

Парень покачал головой. Его мокрая от пота одежда липла к телу, лицо скрылось в тени ресниц. Хэсюань невольно почувствовал укол жалости: мальчишка жарился на солнце ради фиктивного задания, пока наставница над ним издевалась. Президентом овладела странная, глухая ярость.

Но вдруг раздался тихий голос:

— Я верю... верю, что всё, что даёт наставница — ценно. И ещё, — Сяомань поднял голову, и его лицо снова осветилось улыбкой, — ради моего «Золотого льва» я буду пахать до победного!

Он воинственно потряс кулачками и сурово глянул на Босса, но тут же обнаружил, что тот смотрит на него в упор. В глазах Хэсюаня что-то вспыхнуло, какой-то странный, пронизывающий огонь. (За кадром: Сяомань, ты уверен, что это человеческие глаза? Сяомань: я всегда знал, что он монстр!). Парень тут же сдулся и забился в угол.

Наступила тишина. Тяжёлая, неловкая тишина. Ян Хэсюань молчал по привычке, Лу Сяомань — от страха. Наконец Босс решил проявить заботу о подчинённом:

— Ты обедал?

— Ещё... ещё нет.

— Это нетронутое, ешь, — Хэсюань протянул ему пакет с фуа-гра.

Реакции не последовало. Обернувшись, Ян увидел, что Сяомань во все глаза смотрит на деликатес, но руками машет в отказе.

— Сестричка Ви сказала, что нельзя есть то, что дают подозрительные дяди! Там может быть что-то странное!

— Ешь немедленно! — рявкнул Ян. Морозный фронт ударил по салону, и Сяомань, вздрогнув, послушно принял подношение.

— Вкусно! Вкусно! Ой как вкусно!

Ян Хэсюань покосился на него: рот в жиру, жуёт, причмокивая от удовольствия, и восторженно причитает. Невольно захотелось улыбнуться.

— Действительно так вкусно?

— Конечно! Папа говорил: если тебя угощают, надо обязательно хвалить!

— Это ещё почему?

— Чтобы в следующий раз снова угостили! — Сяомань посмотрел на него взглядом «какой же ты глупенький» и преисполнился небывалой гордости.

— А папа не учил тебя, что за добро надо платить добром?

— Учил!

— И когда ты меня покормишь?

— Э-э-э...

Ян Хэсюань с интересом наблюдал за тем, как лицо парня кривится, словно несвежий пельмень. Сяомань по привычке начал вжиматься в дверь, изображая черепаху, но вдруг выпрямился:

— Ладно! Договорились! Я угощу тебя малайтаном! Идёт?

— Малайтаном?!

— Ага! Самый лучший в мире! Знаю одно место у нас за университетом, в переулке. Там такая тётушка стоит — она выходит после девяти вечера, когда патрульные засыпают. Пальчики оближешь!

— Я отказываюсь.

— Тогда вообще ничего не получишь!

— Лу Сяомань!

— У меня денег нет!

Ян Хэсюань резко затормозил:

— Что ты сказал?!

— Малайтан!! — Сяомань уткнулся лбом в стекло и демонстративно не оборачивался.

Ян повернул его лицо к себе и осёкся:

— Что с тобой? Почему ты такой красный?

— Не знаю... Голова кружится. Как съел твою еду, так и началось. Что ты туда подмешал, злой

дядя?

— Чушь! Это просто фуа-гра в саке.

— Голова... так кружится. Жарко... — Сяомань обхватил голову руками, покачнулся и... рухнул прямо на Ян Хэсюаня.

Президент вдруг что-то вспомнил и заглянул в стаканчик из-под соуса. Пусто. Мальчишка выпил саке, решив, что это напиток! Но там же было всего миллилитров тридцать!

По городу несся роскошный «Лексус», в котором ехал очень суровый, но очень растерянный «папочка».

— Сяомань, очнись!

Лу Сяомань с трудом приоткрыл глаза, сфокусировался на лице водителя и вдруг сладко улыбнулся:

— Папа!

— Лу Сяомань!!

— Ой, холодно... Хм! — парень отвернулся к окну. — Хочу малайтан...

— Сяомань, тебе лучше?

Снова прищурился. Нет, не папа. Но голос такой нежный... Кто же это? Не знаю, но мне нравится...

В хмельном сне Лу Сяоманю привиделось, что он превратился в маленькую черепашку. Он полз, а на его панцире сияла Премия «Золотой лев» Каннского фестиваля рекламы. Он полз медленно-медленно, улыбаясь во весь рот, и от счастья у него даже потекла слюнка.

<http://bllate.org/book/17579/1709252>